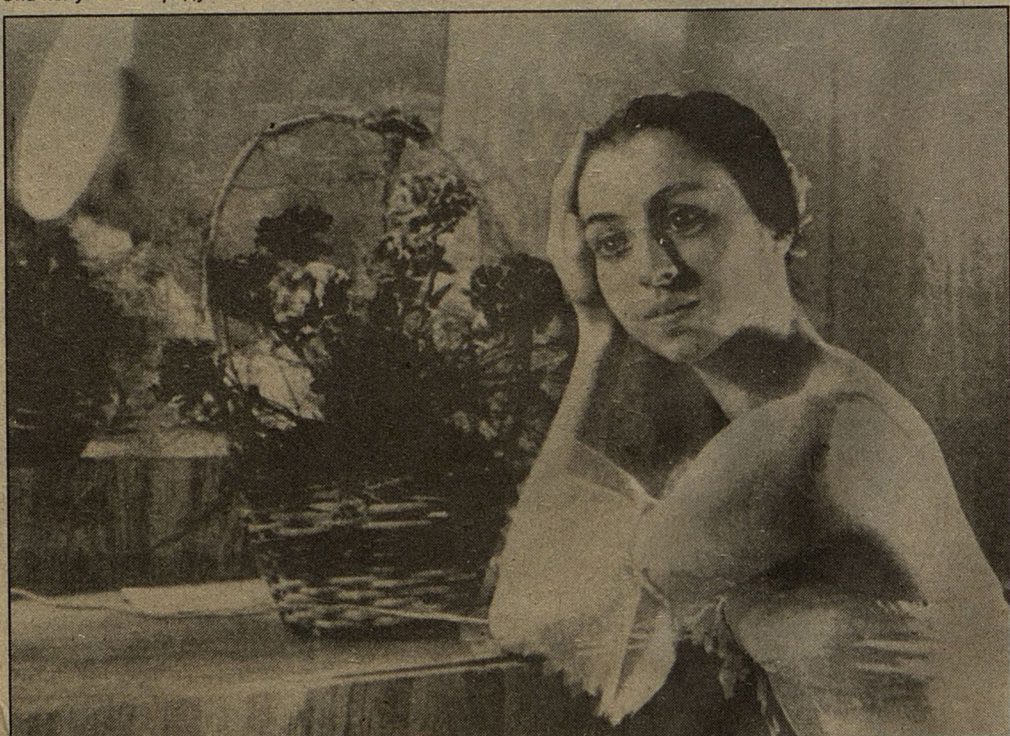

Нина Ананишвили: «Каждый спектакль нужно танцевать, словно в последний раз»

Посмотришь со стороны - все в ее жизни получалось легко и стремительно. Как будто в ее судьбе балет уже не «каторга в цветах» (выражение Фаины Раневской). Еще ребенком Нина (так ее зовут на родине, в Тбилиси) выиграла чемпионат Грузии по фигурному катанию. В балетную школу ее приняли сразу, несмотря на то, что девочка пришла на просмотр после всех отборочных туров. В пятом классе столичная комиссия рекомендовала ей продолжить учебу в Московском хореографическом училище. Отец никак не соглашался отпустить Нину одну за тридевять земель от родного дома. Помогла бабушка, Екатерина Андреевна, которая ради любимой внучки, бесспорного таланта переехала в Москву, стала здесь ее ангелом-хранителем. Потом - труппа Большого театра, восторг зрителей и критики, благоволение Юрия Григоровича, видевшего в ней «безграничную восхитительность»... Четыре международных конкурса - Варна, Москва, Джексон - и четыре «золотых» победы, ведущие партии, цветы, триумф... И другой «Триумф»: Ананишвили стала лауреатом этой премии в 1992 году. Она получила награду вместе с С.Аверинцевым, Л.Додиним, Д.Краснопевцевым, А.Шнитке.

Артисты советского балета за рубежом

- Нина, вас не было в Москве четыре года, и вот вы вернулись в Большой...

- Нет, я бывала здесь, даже снималась в кино, в фильме-балете «Жар-птица», но в основном работала в разных театрах мира. Это были для меня очень насыщенные творчеством годы. Я смогла уйти от исполнения одного и того же, как было в Большом театре, и познакомиться с другой, новой для меня хореографией. В английском Королевском балете я станцевала «Принц пагод» на музыку Бриттена и «Ромео и Джульетту» в постановке Кеннета Макмиллана, в балетах классика романтизма Августа Бурнонвиля: «Сильфида», «Неаполь», «Фестиваль цветов в Дженадо»... И сейчас еду в Данию, буду выступать в «Спящей красавице».

- В этом году мы сможем увидеть вас в спектаклях Большого?

- Мои педагоги упрекают меня, говорят, что нужно больше выступать на родной сцене. А я не уходила из Большого, я люблю свой театр, это здание, своих подруг. В этом сезоне я попросила директора дать мне расписание на полгода вперед, когда и что я буду танцевать. Чтобы всегда возвращаться с любых гастролей к этим спектаклям. До Нового года - восемь раз, в последний - февральская «Жизель». Теперь такого расписания нет...

Я очень хочу выступать в Большом. Мне обещали дать «Дон-Кихота», он сейчас возобновляется, но премьера отложена, декорации не готовы. Я устала от кочевой жизни, от самолетов, но за границей я могу работать в полную силу. Даже через силу - иногда там приходится выступать по многу раз в месяц. И я заранее знаю, как буду работать, могу спланировать свое будущее. Например, в апреле меня пригласили в Метрополитен-опера, танцевать «Манон». В Москве же театр как будто не может решить, нужна ему в спектаклях текущего репертуара такая балерина - Нина Ананишвили или нет.

- В адрес Большого сейчас выпускают

множество критических стрел...

- Большой - это марка, многолетняя репутация, он по-прежнему имеет имя. Но мне было очень обидно, когда за границей меня удивленно спрашивали: как, вы еще не ушли оттуда? Увы, нынешняя репутация театра там невысока, пресса часто отрицательная. Это из-за однообразного, мало меняющегося репертуара, из-за снизившегося уровня исполнителей. Раньше я приходила на любой спектакль наугад, и любой состав был хорош, а теперь - если заранее не знаешь, то есть риск увидеть кого-то, кто танцует неадекватно репутации Большого.

Имя театру делали не мы, не наше поколение, а блистательные танцовщики прошлых лет. Мы не имеем права профанировать это имя. На театр равняются другие, и если уж здесь позволяют себе танцевать «в полноту», то что требовать от провинциальных театров. Спад связан и со школой, оттуда ушли хорошие педагоги. Доходит до того, что нынешние ученики не знают толком танца Максимовой или Плисецкой, их имена стараются не произносить. В Московском училище раньше были специальные стенды о знаменитых выпускниках, стояли в коридоре. Недавно мне сообщили, что мой стенд убрали. Видно, тоже не хотят вспоминать, что я здесь училась.

В детях воспитывают принцип: если ты не в хороших отношениях с определенными людьми, тебе же хуже. Молодые танцовщики с детских лет знают, с кем надо, с кем не надо общаться, чтобы «хорошо жить» в театре.

Артисты предыдущего поколения состоялись во многом и потому, что на них - Васильева, Максимову, Плисецкую - специально ставили. В балете это очень важно: получить роль, сделанную с учетом твоей творческой индивидуальности. В Москве я за одиннадцать лет ни разу не имела такой возможности. Получается, что театр у нас - не для артистов и не для зрителей, а для удобства администрации. А результат плачевный: сейчас нет исполнителей даже на старый «Спартак», не вытягивают в Большом этом спектакль.

- Значит, наша участь - смотреть по многу раз «Лебединое озеро». А что смот-

рят в мире?

- Все, любят и модерн-танец, и джаз, и классику. На все есть свой зритель. Классика на то и классика, чтобы никогда не устаревать: она восполняет утраченную гармонию в жизни. Наивность, чистота - много ли этого вокруг нас? А в музыкальном театре можно хотя бы вспомнить, как это необходимо. Это ведь сказка для взрослых, пыльное зрелище; в старых балетах не надо искать того, чего там нет (для этого существуют современные постановки), и радоваться тому, что есть - красоте, мастерству исполнителей. В Англии мне много раз говорили, что гастроль Большого театра в 1956 году, когда танцевала Уланова, - одно из самых дорогих воспоминаний.

И вот на фоне того совершенства они грустят о нынешнем Большом. Ведь никто не радуется, не злорадствует, они мечтают получить от нашего балета ту радость, что испытывали на гастролях в прошлые годы.

- А как работаете после упорядоченного Запада в условиях нашей непредсказуемой жизни? Балетная сцена - это храм с плотно закрытой дверью или вихри и там ощутимы?

- Что вы, артист, любящий свое ремесло, должен отрешаться от всего. Большой театр - это как город в городе, то есть так должно быть, но сейчас внимание государства к нему почти отсутствует, а замены не находится.

- И артисты поневоле «тащат» на сцену свои житейские проблемы? Как говорит мой знакомый, «он танцует, а у него «сникерс» в глазах».

- Талантливые так не делают. В моем поколении, во всяком случае. А остальные? Ну как им серьезно относиться к себе, если спектакли текущего репертуара не смотрят руководство театра. Я ни разу не видела на своих спектаклях и главу балетной труппы. Раньше такого не было, ведь поддержка очень важна. Лично я всегда, на каждом спектакле выкладываюсь на 100 процентов. Мне Раиса Степановна Стручкова всегда говорила: ты должна танцевать как посол балета. В зрительном зале всегда есть люди, которые в первый раз на балете, в

Большом театре, и, может быть, никогда больше это не увидят. Танцевать нужно так, будто выступаешь в первый и последний раз.

- Руководство не приходит, зато клака всегда на посту. И действует она на редкость открыто, просто нагло. На недавней премьере «Корсара» в ложе у сцены стояла некая личность... в пальто, работала не раздеваясь, потом ушла посреди действия...

- Да, клака процветает. И ужасно, что все это видит публика, в лучшем случае недоумевая, многие возмущены. Я всегда удивлялась: неужели у некоторых артистов так мало достоинства или уверенности в себе, что они прибегают к подобному?

- Нина, что приоритетнее в театральном, балетном творчестве - врожденная интуиция или интеллект?

- Сцена - это зеркало. Она отражает все. Конечно, в танце природные данные очень важны, без них нет искусства. Но необразованность, глупость проскользнут всегда, как бы ни был хорош прыжок или выразительны руки. Великий актер всегда имеет внутренний мир, я имею в виду не сумму знаний, а способность понимать, осмысливать мир вокруг себя.

- И каков ваш культурный контекст? Что интересно помимо балета?

- Я люблю драматический театр, особенно спектакли Анатолия Эфроса, муж меня водил. Люблю живопись Возрождения. Мое хобби - собирать старинные балетные открытки с портретами артистов императорских театров. И еще стараюсь приобретать книги по танцу, по искусству. Это очень помогает в создании образа. Вот, например, труд С.Худекова по истории балета: когда я готовила «Баядерку», я прочитала у него все о том, кто они были, как выглядели... Когда прочтешь - яснее видишь свою трактовку роли.

- Этот номер газеты посвящен женскому дню. Как вы относитесь к модным сейчас движениям женщин за равные права, к борьбе против патриархального общества?

- Моя профессия - балет, а балет - все-таки

женское искусство, если взять классику, то там все ставилось на балерину, женщина преподносилась как идеал красоты, как мечта. Причем мечта, вдохновляющая всех - и мужчин, и женщин. Балет подхватил вечную женскую мечту о сказочном принце, который однажды придет и полюбит. И я, пользуясь случаем, хочу поздравить всех наших милых женщин с праздником и пожелать им осуществления этой мечты. И самые большие поздравления - моим педагогам. Наталье Викторовне Золотовой и Раисе Степановне Стручковой, которым я обязана очень многим.

Что касается феминизма... Я верю в судьбу, от нее не уйдешь и через голову не прыгнешь. Ты должна состояться, тогда ты будешь нужна. А иного равноправия я не понимаю. А вообще-то женский ум не хуже мужского, Екатерина Вторая вон как управляла государством.

- Вы счастливый человек?

- Конечно. Я занимаюсь любимым делом, у меня замечательный муж, он во всем помогает мне.

Муж Нины, Гия Вашадзе, не пропускал ни одного спектакля с участием балерины, она получала корзины цветов, и ухаживал он за будущей женой три (!) года. Действительно - как в сказке.

В старых балетах достойным всегда улыбается судьба. Нина Ананишвили восхитилась своим искусством Элизабет Тейлор, Барбару Буш, принцессу Диану... Они говорили те же слова о ее обаянии, что и московские друзья - Андрей Вознесенский, Олег Борисов, Юрий Башмет... Изысканная острота и напевность, лирическая отрешенность и радостный азарт ее ролей в балете - всегда греза совершенства. И всегда пластический жест оборачивается особой эмоциональной значительностью, особой поэтической правдой.

Не случайно Патрик Дюпон, руководитель парижской Гранд-Опера, сказал о ней: «Наверное, она видит во сне только танец».

Беседу вела Майя КРЫЛОВА.